

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Из классики

Григорий ПИСАРЕВСКИЙ

СТЕШИНА РАДОСТЬ

Под самолетом сплошной пеленой стояли облака. Потом их стало меньше, и внизу медленно открывался большой город, окаймленный морским прибоем безбрежной водной дали.

Степанида Ниловна смотрела в иллюминатор, с нетерпением ждала посадки. Она ушла из школы в шестьдесят лет. Ее не отпускали, да она и сама не представляла себя вне стен своего любимого девятого класса. Но приступы головной боли, вызываемые высоким давлением, принудили уйти. Дочь с мужем, давно переехавшие в приморский город, настойчиво звали к себе. Она и сама собиралась навестить их, побыть с внуком, которого видела один раз в летний приезд дочери с зятем три года назад. Все не решалась покинуть свой город, ребят, которые нередко вваливались к ней шумной гурьбой, надолго оставляя приподнятый настрой, боялась дороги, своей головной боли, особенно в самолете. Поездом ехать совсем не хотела: долго, мучительно, хлопотно. На удивление в самолете голова не болела.

В аэропорту ее встретили все трое, расцеловались. Зять преподнес цветы. Внук чуть прикоснулся к щеке. Паренек вытянулся, худенький, глядит исподлобья. Голова выстрижена, лишь на макушке клок длинных, болтающихся на ветру волос - дань свирепой моде подростков.

Стала жить Степанида Ниловна у детей. Ее несколько пугала отчужденность внука: его молчаливость, хмурость, равнодушие. Он преображался у телевизора, энергично нажимая на кнопки и манипулируя бегающими человечками, упорно и долго добиваясь победы в бесконечных электронных играх. Неотрывно смотрел детективы, иногда раздражаясь диким хохотом или в особо крутые моменты наклонялся к телевизору, как бы готовясь ринуться в происходящее на экране. Родители почти не общались с ним, по малейшей просьбе субсидируя деньгами, которые он тратил на колбасу с хлебом, кока-колу и жевательную резинку. Пищу поглощал запивая напитком, не отрываясь от экрана.

Зять был предпринимателем, дочь работала с ним. Де-

нег у них хватало, но дома все было как-то безалаберно, запущенно, неудобно и, как ни странно, голодно. Утром они пили кофе с бутербродами, обедали где-то в кафе. А вечером зачастую засиживались в ресторане.

Однажды бабушка позвала внука. Он по-

дoшел, глядя исподлобья. Она попросила выключить телевизор, усадила рядом.

- Артемка, ты хоть знаешь что-нибудь о своем дедушке? Он недоуменно смотрел на нее и молчал.

- Твой дед, Николай Алексеевич Петров, - кавалер трех орденов Славы. В последние дни штурма Берлина бросился в обстреливаемое пространство, подхватил беспомощно стоявшую под огнем немецкую девочку, добежал до своих, успел передать ребенка и был тяжело ранен.

Артемка хмуро слушал. - Потом в госпиталь, где он ожидал отправки в тыл, его дружок с немцем из гражданских привели эту девочку. Она подошла и поцеловала его забинтованную руку. Позже, уже будучи девушкой, она приезжала к нам. Очень теплая была встреча, и до сих пор переписываемся.

Степанида Ниловна с грустью смотрела в окно. Молчал и Артемка. Она привезла с собой альбом и перелистала его внуку, комментируя фотографии.

- А когда дедушка умер? - спросил вдруг Артемка.

- От ран ему совсем стало невмоготу. Возила по врачам. Страдал он страшно, но молча, только бледнел от

боли и искушал губы. В семидесят первом его не стало.

Степанида Ниловна достала платочек, приложила к заплаканным глазам.

- Не плачь, бабушка. - Артемка неловко погладил ее руку.

Внук поводит ее по магазинам; она накупила продуктов, стала кормить его вкусными шами да борщами, пельменями да варениками... Она настояла, чтобы дочь с зятем ужинали дома. Артемка попросил ее еще рассказать про деда и про себя. И она рассказывала как росла в деревне, как приехал из города в помощь механизаторам слесарь Коля Петров. Они полюбили друг друга, а родители ее были против их любви, они не хотели иметь в зятях бывшего воспитанника детского дома.

- Знаем мы этих пролетариев, голь перекатную, - говаривал ее начитанный отец. Все проплет, все промотают.

И вдруг - война. Колю сразу призвали. В город пришел санитарный поезд с ранеными. Стеша, после проводов Коли оставшаяся в городе у его друзей, пошла к начальнику поезда и ее приняли в штат. Сколько бомбежек пережила Стеша на пути следования поезда к фронту и обратно - не считать. А однажды бомба попала в ее вагон. Вы-

тащили полуживую, контуженную, потерявшую слух и речь. Отвалилась в госпитале, а тут и войне конец. Вскоре вернулся Коля, израненный и больной. Дали ему комнатушку в коммуналке и стала Стеша выхаживать своего мужа. Родители все же смирились с ее выбором, нередко помогали продуктами. Потом Коля пошел учиться в дорожно-строительный, а Стеша поступила на исторический факультет пединститута. Закончили, стали работать. Светочка поздно у них родилась, выросла пригожая да ласковая. А замуж никак не хотела выходить: не отваживалась покинуть больного отца и маму, которой ох как не просто было работать, ухаживать за немощным мужем и вести все бытовые дела семьи: Светлана уже в институте училась, тоже учительницей решила быть. Жили нелегко, но дружно. Проработала Степанида Ниловна в одной школе тридцать семь лет.

- А ордена Славы - это большие ордена? - спросил Артемка.

- Куда же больше. Три ордена Славы приравниваются к звезде Героя Советского Союза.

- Ух ты! - Внук восторженно смотрел на бабушку. - А у тебя? - Орден Отечественной войны, Орден Красной звезды, медали.

Степанида Ниловна возила внука к Цемесской бухте - месту жестоких боев, на теплоходе съездили в Севастополь, поднялись на Сапунгору, смотрели диараму боев за Севастополь. С тихой радостью она наблюдала в музее с каким интересом смотрел он на полотна Айвазовского и долго не хотел уходить. В библиотеке выбрала рассказы Джека Лондона, "Робинзон Крузо" и "Даuida Копперфильда" с надеждой приобщить внука к примерам силы человеческого духа. Артемка порумянял, стал разговорчивее, задавал бабушке бесконечное количество вопросов. Забыв о телевизоре, он не отрывался от книг. Ранее кроме детективов он ничего не читал и весьма смутно представлял себе окружающий мир. Как-то попросил бабушку рассказать об Александре Невском, о Минине и Пожарском: эти темы были в школьной программе. Бабушка настолько интересно поведала о вековых страданиях русского народа, о его победах, что прошедшая с работы Светлана не могла дождаться их к ужину.

Прошло лето. Степанида Ниловна засобиралась домой. Ее уговаривали повременить, просили вовсе переехать. Она истосковалась по своей квартире, по своим ребятам, по подругам. Внук вновь замкнулся и угрюмо прирос к телевизору. За день до отъезда он подошел к ней, обнял и заплакал.

- Бабушка, не оставляй меня здесь, мне так хорошо с тобой...

Мать пришла с работы и раздеваясь все слышала. С какой бы радостью Степанида Ниловна взяла его с собой, но Светлана и слышать об этом не хотела.

Степанида Ниловна смотрела из иллюминатора на улывающийся город. Она летела домой. Дома заскучала. Не уходили из головы слова внука: "Бабушка, не оставляй меня здесь, мне так хорошо с тобой".

Прошел месяц. Однажды к вечеру она сидела за своими давнишними мемуарами о школе. Задумалась и не слышала как отворилась дверь.

- Бабушка, милая ты моя!!! Артемка повис на ней, целуя седые волосы, пряча мокрое от слез лицо у нее на груди. Рядом стояла Светлана и тихо плакала.

- Видно, мама, что-то у нас не так. Артемка с твоим приездом стал совсем другим человечком. Пусть поживет у тебя. Думаю в школу устроить не составит труда. Спасибо тебе, мамочка.

И она обняла мать.

Степанида Ниловна нежно гладила голову внука с подросшими русыми волосами.

- Вот и тебе, Стеша, радость привалила.

рис. К. Попова

Александр ПУШКИН

Придет ли час моей свободы? Пора, пора! - зываю к ней; Брожу над морем, жду погоды, Маню ветрила кораблей.

Под ризой бурь, с ветрами споря, По вольному распутью моря Когда ж начну я вольный бег? Пора покинуть скучный берег Мне неприязненной стихии и среди полуденных зыбей, Под небом Африки моей Вздыхать о сумрачной России, Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил.

...Слышишь? Критик строгий Повелевает сбросить нам Элегии венки убогий И нашей братье рифмачам Кричит: "Да перестаньте плакать,

И все одно и то же квакать, Жалеть о прежнем, о былом: Довольно, пойте о другом!" - Ты прав, и верно нам укажешь Трубу, личину и кинжал, И мыслей мертвый капитал Отсюда воскресить прикажешь: Не так ли, друг? - Ничуть. Куда!

"Пишите оды, господа..."

"...Чей взор, волнуй вдохновенье, Умилной лаской награди Твое задумчивое пенье? Кого твой стих боготворил?" И, други, никого, ей-богу! Любви безумную тревогу Я безотрадно испытал. Блажен, кто с нею сочетал Горячку рифм: он тем удвоил Поэзии священный бред, Петrarке шестуя вослед, А муки сердца успокоил, Поймал и славу между тем; Но я, любя, был глух и нем.

Дмитрий ТОЛКАЧ

Случайная попутчица, расстанемся не скоро. Случайную попутчицу несколько не виню За лживые слова, за яростные ссоры, За раннюю весною погасшую зарю.

Евгений МОСЯГИН

ОДУВАНЧИК Украшая канаву, Распрямив стебелек, Расцветает на славу Примитивный цветок.

Очень желт, очень ярко, Слово искра в ночи, Слово яркий огарок Подвечной свечи.

И ничто ему холодно, И ничто ему зной. Только очень недолог Его век золотой.

Огонек угасает, Вьется серый дымок. Свою свежесть теряет Ярко-желтый цветок.

Как же скор и обманчив Праздник жизни весной. Золотой одуванчик Стал как пепел седой

Со временем... дороги верно, У нас изменятся безмерно: Шоссе Россию здесь и тут, Соединив, пересекут. Мосты чугунные через воды Шагнут широкою дугой, Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды, И заведет крещеный мир На каждой станции трактор.

Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как бури вешние полям: В дожде страстей они свежуют, И обновляются, и зреют - И жизнь могущая дает И пышный цвет и сладкий плод.

Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален страсти мертвой след: Так бури осени холодной В болото превращают луг И обнажают лес вокруг.

Но мы, ребята без печали, Среди заботливых купцов, Мы только устриц ожидали От цареградских берегов. Что устрицы? пришли! О радость!

Летит обжорливая младость Глотать из раковин мерских Затворниц жирных и живых, Слегка обрызгнутых лимоном, Шум, споры - легкое вино Из погребов принесено На стол услужливым Отоном; Часы летят, а грозный счет Меж тем невидимо растет.

"Евгений Онегин")

Артур ВАГАБОВ

В небе звездочка горит Прелестью озерной - Пусть тебя Господь хранит Сердцем своим добрым.

Бродит тихо за тобой, Согревает нежно И под сонною луной Дарит вдруг надежду.

Мария МУХИНА

ТОСКА Вглядись в мои глаза... О, что ты видишь в них? Печаль, усталость, пустоту, Загубленную детскую мечту И боль утрат, и звон оков, Войну враждующих миров, Тела, облитые невинной кровью И грязь, которую нельзя назвать любовью, Подземный мир, в котором много зла? О, посмотри в мои глаза! Ах, ты отводишь взгляд. Ну что же... Не смотри. Давай же, улыбнись, Давай, слепец, живи!

Страница подготовлена литературной секцией клуба "Зыбчане". Ответственный за выпуск К.Попов.

Михаил ВОЛИКОВ

МАТЕРИ

Караулил смерть не раз, Проходили мимо грозы. А теперь - прощальный час И мои сыновьи слезы.

У окна уже не ждешь, Не подашь с дрожаньем руки. Колосится буйно рожь, А твои застыли губы.

И берет немая дрожь: Слышу и шаги, и звуки... Мама, долго ты идешь Через вечности разлуки.

В. ВАЛЕНТИНОВА

Ночи таинство в безмолвном забвении Дышит прохладою тьма. Зелень потускла в притихших аллеях, Сонно мерцает луна.

Нежатся травы в прозрачном тумане, Застыл в очертании лес. Томится душа в ожидании странном. Крадется чуть слышно рассвет.

Владимир КУХАРИШИН

СЕГОДНЯ

Сегодня мне не о чем петь. Сегодня не стану жалеть О прожитых днях О выпитых дозах, - О том, что уже не успеть. Сегодня пойму, как себя, Его, и ее, и тебя. И буду со всеми смеяться до слез, Поверив и возлюбля.

Г. Злотина "Одуванчики"

